

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Джозеф Кей
Политика утверждения или политика отрицания?
2009

Сохранено 7 февраля 2012г. из revsoc.org

ru.theanarchistlibrary.org

Политика утверждения или политика отрицания?

Джозеф Кей

2009

Что отличает *коммунистическую* политику от политики прочих левых? Я бы ответил на этот вопрос так: коммунизм — это политика отрицания, это движение, упраздняющее настоящее положение вещей.

Участники политических дискуссий, особенно в интернете, часто распадаются на два противоборствующих лагеря. В мейнстриме это либералы/консерваторы или левые/правые, у радикалов — марксисты/анархисты или реформисты/революционеры. Понятно, что эти дихотомии не стоят и выеденного яйца, что они лишь запутывают суть дискуссии и превращают ее в обычный холивар, в ходе которого противники только глубже окапываются в своих догмах.

Тем не менее, есть пара противоположностей, которую я нахожу полезной, — это дихотомия коммунистической политики и политики левацкой. Причем слово «левачество» я тут использую не просто как ругательство, как его обычно используют многие примитивисты в отношении

сторонников классовой борьбы, или троцкисты в отношении «ультралевых», а как политический термин, отделяющий политику коммунистического движения от политики «левого фланга капитала» — ленинистов, профсоюзников, НПОшников.

В соответствии с этим, я мог бы дать следующие определения: коммунистические требования — это требования, которые делают акцент на *конкретных материальных потребностях класса* (от увеличения зарплаты, бесплатного здравоохранения, сокращения рабочего дня до полной отмена наемного труда). Левацкие требования — это требования, которые делают акцент на том, как *надо управлять капиталом*; борьба в этом случае занимает подчиненное положение и должна лишь способствовать скорейшему выполнению этих требований (типа «обложите налогом этих!» или «национализируйте это!»).

Такое определение полезно в плане различения коммунистической политики и типичной троцкистской политики, например, когда троцкисты проталкивают своих людей в профсоюзные структуры, чтобы «лучше» руководить борьбой от имени рядовых рабочих; когда они выступают с требованием национализации предприятия (пардон, «национализации под рабочим контролем») или увеличения налогов для богатых и т.д. Но если речь заходит о всем многообразии политических позиций, которое вбирает в себя понятие «левачество», типа поддержки национально-освободительной борьбы или политики идентичности: расовой, половой, сексуальной (а с учетом последних телег SWP за ислам, и этнокультурной) — то такая дефиниция уже не совсем уместна.

Рассмотрим, к примеру, характерный платформистский прогон Уэйна Прайса:

и уж тем более источником революционной субъективности. Схожим образом, для коммунистов рабочий класс — это не предмет прославления; это класс, отрицающий работу и классы.

ганизация — абсолютно левацкая, — но очевидно, что разница между левацкой и коммунистической политикой — это разница качественная, а не количественная.

Но ведь Ницше сам был философом утверждения, который в отрицании видел лишь истошный вопль слабой и завистливой толпы. Как же тогда политика отрицания может избежать ловушки рабской морали? Дело в том, что коммунистическая политика, утверждая наши конкретные материальные потребности, не имеет никакого отношения к ценностям капитала как таковым. В этом случае мы сами решаем, что нам нужно не как «угнетенным», а как пролетариям, как людям, лишенным контроля над собственными жизнями. Причем не важно, совпадают эти потребности с тем, что капитал рассматривает как добродетель, или нет. Ни занудный аскетизм, ни фетишизация рабочего класса как-он-есть не решают проблемы сами по себе. Наш подрывной потенциал вытекает не из нашего угнетенного положения, но из отчуждения, отделения от того потенциала, которым обладает наша созидательная деятельность. Политика угнетенных, напротив, рассматривает самоопределение как дополнительное утверждение рабской идентичности или подчиненного положения. Утверждение национальной независимости или черная гордость — это как раз пример такой политики утверждения. Смысл коммунизма заключается не в нашей самореализации как рабочих, женщин, этнических меньшинств или наций, а в уничтожении этих категорий вместе с капиталистическими общественными отношениями, которым они обязаны своим существованием. Быть женщиной, иметь определенный цвет кожи или сексуальные предпочтения, родиться и вырасти в определенной стране не должно значить для социальной роли индивида больше, чем его цвет глаз, рост или группа крови значат для него сегодня; это не может быть предметом гордости,

«Основа анархизма — это вера в самоорганизацию и самоопределение человека. Но есть темы, по которым многие анархисты отрицают просвободническую позицию, особенно это касается свободы слова и права нации на самоопределение».¹

Здесь мы видим выделение особых социальных групп: рабочих, женщин, этнических меньшинств — полностью — и «угнетенных наций» — частично и с оговорками — как объектов угнетения, нуждающихся в утверждении, в практике «самоопределения». Более того, «революционные анархисты должны быть защитниками всех демократических свобод, должны быть на передовой *любой борьбы против угнетения*, вне зависимости от того, связана она с классовой борьбой или нет». Т.е. угнетенные должны отстаивать свое положение в обществе. (мы здесь не обсуждаем сам факт распространенности такой позиции в анархо-движении)

Теперь сравним этот левацкий подход с позицией моего сердечно любимого Жюль Дове, которая, как мне кажется, является образцово коммунистической:

«Если отождествлять пролетария с фабричным рабочим или с бедняком, невозможно проследить, в чем заключается подрывная сила пролетарского положения. (...) Пролетариат является концом нынешнего общества, потому что это общество лишает его почти всех своих положительных аспектов. Поэтому пролетариат является также своим собственным уничтожением. (...) Большинство рабочих получают мало, и многие работают в производстве, но всё же их возникновение

¹ www.anarkismo.net

как пролетариата происходит не из того факта, что они являются низкооплачиваемыми производителями, а из того, что они “отрезаны”; отчуждены, не обладают контролем ни над своей жизнью, ни над смыслом того, чем они занимаются, чтобы заработать себе на жизнь».²

Что ценно для меня в этом отрывке, так это то, что Дове обрисовывает в общих чертах политику исключенных, негативную политику, которая разрушает как своего антагониста, так и самого себя. Коммунизм — это *политика отрицания*.

Это полная противоположность приведенному выше примеру. Уэйн Прайс представляет политику самоопределения угнетенных, т.е. *политику утверждения*.

Рассмотрим другой пример. Пишет AntiRacist Action:

«Мы не ставим знак равенства между “черной гордостью” или “властью черных” и “белой гордостью” или “властью белых”. Почему так? Да потому что, если ты родился и вырос черным в мире, где быть черным значит быть отбросом, то, когда ты говоришь “Да пошли вы в жопу! Я горжусь тем, что я черный!”, ты в то же время противостоишь повсеместному расизму и расистским предрассудкам. Поэтому, когда цветные люди отплачивают расистам их же монетой и представляют свой статус “человека второго сорта” как предмет гордости, мы рассматриваем эту ситуацию как пример эффективной антирасистской стратегии».³

² ru.theanarchistlibrary.org

³ antiracistaction.org

Это ещё более дикий образец политики утверждения, чем у Уэйна Прайса. Здесь мы видим то, что Фридрих Ницше называл «рабской моралью». По Ницше, мораль господ определяет добродетель — будь это богатство, власть, творчество или ещё что — и живет ею. Мораль рабов, наоборот, следит за ценностями господ и инвертирует их. Ницше в качестве характерного примера приводил христианскую церковь, восхваляющую нищету и смирение (по крайней мере, «в этой жизни»). Но проблема морали рабов в том, что она может существовать только как реакция на мораль господ; любая политика, основанная на ней, всегда будет занимать подчиненное положение. Это политика вечной жертвы (отсюда происходит это притворное удивление леваков полицейскому насилию и чествование новых мучеников). Но суть-то не в том, чтобы вечно страдать, а в том, чтобы победить!

Однако, индивидуалист Ницше также критиковал социалистов и анархистов как типичных выразителей «стадной ментальности» — зависти перед богатством и властью. И отчасти Ницше, безусловно, прав. Всюду мы видим, как политика угнетенных подпитывается рабской моралью: антиконсюмеризм (Ходить по магазинам тупо, дампстер дайвинг — тема!), антиимпериализм (империализм — дерьмо, Соппротивление — заебись), черная гордость (Быть белым круто? Быть черным тоже круто!), мейнстримное ЛГБТ-движение (Быть натуралом хорошо? Геем быть тоже неплохо!); сюда также войдут такие теоретики-тяжеловесы как Тони Негри, Гарри Кливер и другие «автономистские марксисты», которые представляют рабочий класс как автономную силу, внешнюю по отношению к капиталу и противоречащую ему, которая также нуждается в самоутверждении (Буржуазная валоризация — плохо, самовалоризация — хорошо) (см. Aufheben #16 (2008)). Нельзя однозначно сказать: этот человек — стопроцентный левак, или эта ор-